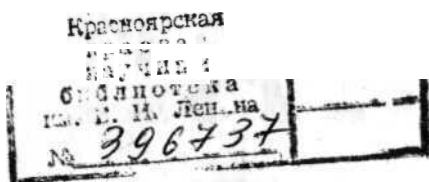

ББК 63.3 (5 Ирн)

A79

Издание осуществлено за счет средств автора

Арабаджян З.А.

Иран: Власть, реформы, революция (XIX XX века). — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. — 127 с.

ISBN 5-02-017S68-4

В книге рассматривается процесс социальной трансформации Ирана за последние два века, происходивший через реформы и революции, объективным смыслом которых было осуществление формационного перехода иранского общества. Особое внимание уделено революции 1978—1979 гг. и позиции занятой властью, в лице Мохаммеда Реза Шаха и его последнего премьер-министра, на ее исход. При анализе и революции и послереволюционных изменений в стране автор приходит к выводу о своеобразной близости и параллелизме судеб Ирана и России.

0503030000-051

013(02)-91

Без объявления

ББК 63.3 (5 Ирн)

ISBN 5-02-017568-4

Завен Артемович
Арабаджян, 1991

РЕВОЛЮЦИЯ 1978-1979 гг. и ИСЛАМСКИЙ РЕЖИМ

Об иранской революции **1978-1979 гг.**, ее предпосылках, причинах и ходе (до самых мелких деталей) написано множество книг. Именно по этой причине нет смысла анализировать здесь все эти вопросы, тем более, что о некоторых из причин революции уже было сказано в предыдущей главе. Следуя логике данной работы, автор будет рассматривать роль позиции, занятой властью, на ход и перипетии революции, а также поражение монархии, приведшее к установлению исламского режима, на дальнейшее развитие иранского общества с точки зрения завершения **формационного** перехода, начавшегося еще в середине XIX **века. При** этом в данном случае власть понимается нами в ее персонифицированном воплощении сначала в лице иранского монарха и позднее его последнего **премьер-министра**.

В **публицистике**, да и в научной литературе широко распространено мнение о том, что во время революции шахский **режим**, отчаянно **сопротивляясь**, шел на любые действия, чтобы подавить выступление народа. Такой подход особенно характерен для работ, написанных в ходе и вскоре после ее победы. И основную вину за кровопролитие, как правило, возлагают на самого шаха, за которым его ниспровергатели очень хотели бы закрепить славу кровавого тирана. В истории такой прием совсем не нов и вообще-то вполне понятен, учитывая пропагандистские устремления новой власти. Однако историческая справедливость требует анализа только на основе фактов, а не вымыслов. А многочисленные факты говорят как раз о том, что Мохаммед **Реза-шах** не пошел по пути подавления революции силой, и даже наоборот - всячески препятствовал ее использованию в решении стоявших перед обществом и им самим проблем. Многие отмечают даже вялое и апатичное поведение монарха в этот период, когда решалась судьба династии и страны. Одним из достаточно часто встречающихся объяснений такому поведению является тяжелейшая болезнь шаха, которая угнетающим образом действовала на него и в какой-то момент привела шаха к параличу воли. Конечно, этот фактор играл некоторую роль в определении поведения Мохаммеда Реза. Как-то сказались и такие черты его характера, как нерешительность и

неуверенность в себе в кризисные периоды, как это было, например, в **1953** г. Однако ведь бушующее море революции конца **1978** начала **1979** гг., возникло не сразу, и в начале **1978** года оно было еще легким и не столь опасным волнением, которое без особого труда могло быть пресечено самыми решительными мерами.

Так что, вероятно, не эти факторы определяли линию поведения иранского государя, а что-то **иное**. Что же?

Ответ на этот вопрос дает важное свидетельство, невольно сделанное американским генералом Хайзером в своей книге "Миссия в Тегеране". Во время беседы 11 января **1979** г. в присутствии посла **Салливена** Хайзер спросил шаха о том, почему он медлит и не принимает решительных мер и что с ним случилось, но тот не хотел отвечать и постарался сменить тему. Дальнейшее Хайзер описывает следующим образом: "В конце разговора Мохаммед Реза сказал: "Так вы действительно не **понимаете?**" – Он продолжал: **"Ваш** Верховный главнокомандующий отличается от меня. Я Верховный Главнокомандующий, который действительно в униформе и, в качестве такового, для меня отдать приказания, которые могли бы быть **необходимы...**" Он остановился и спросил: "Могли бы вы как Верховный главнокомандующий отдать приказ убивать свой собственный народ?" Я сказал: "Ваше Величество, мы говорим не обо мне, мы говорим о **Вас**". Здесь он переменял тему, и я так и не получил **ответа**". Да, действительно, генерал Хайзер не получил такого ответа, к которому приучает армейская карьера – четкого и лаконичного. Видимо, у него в голове даже не укладывалось, что можно ответить вопросом на вопрос. Хотя для любого непредвзятого и мыслящего человека ответ совершенно ясен, ибо был он дан монархом Хайзеру и заключался он в том, что Мохаммед Реза не мог отдать приказа устроить кровавую бойню своему собственному **народу**. Он не мог позволить себе сохранить трон и династию такой страшной ценой. Он не хотел остаться в памяти заблудшего и обманутого народа, поднятого против него внутренними антинациональными силами и иностранными державами, кровавым палачом и убийцей.

Множество свидетельств указывает на то, что в финальных сценах иранской трагедии **1978–1979** гг. думы монарха были не о сохранении своей власти любой ценой, а о предотвращении кровопролития, военного переворота и решении всех проблем мирными методами. Одно из них дается генералом Карабаги во время описания церемонии отлета шаха из страны: "Затем шахиншах вновь

указал на то, что решение проблем, стоящих перед страной, должно осуществляться правительством политическими путями, еще раз подтвердил, что необходимо любой ценой предотвратить кровопролитие и, **обращаясь** к генералам, сказал: Будьте осторожны, чтобы командующие в один прекрасный день не поддались сумасшествию и не думали о **перевороте**".

Так почему же генерал Хайзер так и не уразумел мотиваций Мохаммеда Реза? Видимо потому, что для этого необходимо понять коренные сущностные различия между монархией и республикой и ролью монарха в одной и президента в другой. Монархический строй предполагает наделение первого лица державы гигантскими полномочиями и возможностями, но в то же время перед лицом общественного мнения он делает государя ответственным буквально за все, что происходит в его стране. При республиканском строе высшая ответственность всегда размыта и делится между президентом, парламентом, министрами, военными и т.д. Получается так, что в случае провала каких-либо акций администрации очень трудно найти виновных. Как правило, ими становятся непосредственные исполнители, а не те, кто их задумывал и одобрял. Одни президенты иногда привлекаются к громким процессам лишь в качестве свидетелей и при этом у них почему-то отказывает память. Другие – знают о своей непопулярности в народе, видят страшную негативную реакцию населения на свои экономические и иные прожекты, но и не думают подавать в отставку. Правда, в этом ряду бывают и счастливые исключения, например, президент Де Голль. Однако истинный легитимный монарх не может позволить себе той политической роскоши – безответственности, которая вполне доступна президенту. Его ответственность несравнимо выше президентской еще и потому, что последние меняются раз в 4 или 7 лет и последующий не несет ответственности **за** положение, созданное предыдущим. В то время как монархи, как правило, сменяются гораздо реже и отвечают за значительно больший период времени.

Именно в осознании миссии монарха и ответственности его за судьбу своего народа мне видятся действительные мотивы поведения Мохаммеда Реза-шаха в январе **1979** г. Роль фигуры монарха в революции всегда достаточно велика и, несомненно, является одним из субъективных факторов, способствующих ее победе или поражению. Многое зависит от того, насколько решительно, энергично и умно может он организовать сопротивление **разбуше-**

самое время достиг необычайных высот как человек, вышедший из этой сложнейшей ситуации незапятнанным, с чистой совестью и руками. Он прислушался к голосу народа и ушел, ибо не мог быть его палачом. И в этом смысле он победил своего **победителя** Хомейни, т.к. спустя определенное время, когда обманутый иранский народ сумеет осмыслить все происшедшее, он поймет, кто из них двоих был кровавым, а кто нет. Кто действовал только ради удовлетворения своих политических амбиций, не считаясь ни с чем и во имя этого загубил сотни тысяч людей, а кто имел жесткие нравственные ограничители и отринул принцип: цель оправдывает средства. И сейчас, спустя чуть более **10** лет после известных событий процесс критического переосмысления людьми своих собственных действий уже идет.

О том, каким образом **Мохаммед** Реза хотел разрешить политический кризис в конце **1978 г.**, лучше всего говорят его **собственные** слова: "Я хотел любой ценой уклониться от применения силы и грубых действий в обеспечении мира, сердечности и национального взаимопонимания, найти законные пути для решения трудностей. В конце концов я решил, что возможно гражданское правительство с участием группы руководителей оппозиции сможет положить конец беспорядкам и вернуть страну в нормальное состояние .

С этой целью он обратился к одному из лидеров национального фронта Голам **Хосейну Садиги**, который, следуя линии **народного** фронта, потребовал, чтобы шах оставался в Иране, но при этом передал свои права регентскому совету. Это требование было неприемлемо для монарха и даже **оскорбительно, т.к.** фактически означало, что он признает, что неспособен царствовать, ибо регентский совет создается либо когда монарх не достиг **совершеннолетия**, либо когда он надолго покидает Иран, либо когда он неспособен самостоятельно царствовать. Именно по этой причине оно было отвергнуто.

Примерно в это же время другой лидер национального фронта Керим Санджаби обратился к шаху с просьбой о встрече, во время которой он, выражая глубочайшее, но, как выяснилось очень скоро, неискреннее, почтение к монарху, высказал желание **занять** пост **премьер-министра** при условии, что последний после создания регентского совета покинет Иран под предлогом поездки в отпуск. При этом он не считал необходимым, чтобы его кабинет получил вотум доверия у меджлиса . Однако шаху это предложение

также показалось неприемлемым, возможно потому, что ему не внушила доверия фигура Санджаби, постоянно занимавшегося политическими подстрекательствами, разражавшегося бранью в адрес монархии и хотевшего нарушить конституцию игнорированием парламента страны.

Тем временем положение в стране становилось хуже буквально с каждым **днем, и** это требовало принятия мер по его стабилизации. Именно в этот момент на авансцену истории выходит другая политическая фигура - доктор **Шахпур** Бахтияр, первый контакт с которым у шаха был после неудачной попытки достичь согласия по созданию правительства с доктором Садиги. В ходе нескольких обстоятельных и откровенных бесед собеседники поняли, что каждый из них озабочен только одним - спасением страны от хаоса и национальной катастрофы, но таким способом, чтобы не пролилась кровь. Мохаммед Реза понял, что давний его политический враг тверд в своей решимости защищать конституцию и демократию не только от нарушений самого монарха, как это было в прошлом, но и от надвигавшейся новой диктатуры. Он также знал, что Бахтияр никогда не бросал подстрекательских призывов, способных нанести вред стране и в поисках популярности не блокировался с муллами, т.к. не разделял их политических позиций.

В результате переговоров Бахтияр принял предложение создать **правительство**. При этом он **сразу** же ощутил необычайную тяжесть и ответственность за судьбу Ирана, которая легла на него: **"Если бы положение было . спокойным, а дела шли нормально, то никто не попросил бы меня создать кабинет... Падишах обратился к тебе, т.к. у него нет больше никого . Им руководило только стремление спасти Иран, который был для него дороже всего: "Но действительность состоит в том, что теперь вопрос состоял уже не в шахе и даже не в конституции, вопрос был в Иране. Иран - это то, что выше и дороже всего сущего . Больше всего он боялся, что в будущем кто-либо сможет его упрекнуть в том, что после 25 лет тяжелой политической борьбы, в тяжелейший для страны момент в ответ на сделанное предложение он ответил: "Сейчас слишком поздно!"**

Однако свое согласие Бахтияр обусловил рядом требований. Первая их группа состояла из пяти требований, выдвигавшихся **оппозицией, и** полностью разделялась им самим: свобода **печати**, роспуск **САВАК**, освобождение всех политических заключенных, передача имущества фонда Пехлеви государству и ликвидация шахин-

шахской комиссии, которая подобно государству в государстве вмешивалась во все дела. Другие же требования были выдвинуты Бахтияром от себя: право лично подобрать членов кабинета и отъезд шаха из страны. Последнее **было продиктовано** боязнью того, что в случае некоторой стабилизации положения монарх, находясь в стране, захочет предпринять какие-нибудь необдуманные действия и тем самым погубит все. Именно это, по его мнению, было как проблемой Ирана, так и проблемой Его Величества. Шах согласился со всеми выдвинутыми условиями и выполнил их.

Таким образом, новому премьер-министру, действуя только мирными средствами, удалось выполнить все основные **требования** либеральной оппозиции. Для понимания мотивов действия этого человека очень показательным является его беседа с представителями ряда ведущих газет и журналов, бастовавших из-за наличия в стране цензуры. Эта беседа произошла до того как Бахтияр официально занял свой пост: "Господа, если завтра вы не возобновите свою работу, я не стану премьер-министром. Я хочу, чтобы вы имели полную свободу в своей работе. **Конечно**, вначале будет трудно, поскольку вы еще не имеете навыков к этому, но начинайте и ничего не бойтесь. Никто не будет вас преследовать, если вы не будете делать незаконных **вещей...** Я вам говорю, пишите все что хотите. Если военные или **саваковцы** придут для инспектирования вашей работы, гоните их. Я дам им строгое указание, чтобы они не мешали вам. Включайте в **работ** свои перья, отныне и в будущем вы можете выполнять свою работу с самой полной свободой. В результате со следующего дня газеты стали выходить. Продолжая осуществлять свою программу, премьер-министр официально разрешил деятельность политических партий и предполагал постепенную отмену военного положения в стране по мере стабилизации обстановки. При этом он успел отменить таковое в Ширазе.

Казалось бы, что действия нового правительства, совпадавшие и даже кое-где превосходившие требования Национального фронта, должны были бы вызвать **удовлетворение** и поддержку **его** лидеров, однако этого не произошло. Лишь отдельные политические деятели осмелились положительно оценить его деятельность. Среди них следует упомянуть бывшего премьера Али **Амини** и доктора **Садеги**. Последний, отмечая высокие личные качества Бахтияра, сказал: "Это удача для нации, что он принял на себя **ответственность**".

Руководство Национального фронта во главе с **Санджаби** решительно осудило его, отказалось от сотрудничества с новым правительством и, назвав **Шахпура** Бахтияра предателем и ренегатом, исключило его из рядов этой организации. Главным преступлением его считалось согласие принять пост **премьер-министра** из рук шаха. Тем самым он якобы перешел на сторону реакции и стал выступать против народа, о судьбах которого денно и **ночно** рдели либералы. Отказались от предложения к сотрудничеству с правительством и левые силы.

Лидер духовенства аятолла Хомейни также не признал Бахтияра и назвал его кабинет незаконным.

Я не задаюсь вопросом о том, почему против Бахтияра выступили религиозные деятели и левые силы, ибо ответ на них совершенно ясен. Интереснее разобраться в мотивах поведения либералов - вчерашних соратников нового премьер-министра. И здесь надо признать, как это ни огорчительно, полную несостоятельность руководства Национального **фронта, и** особенно Санджаби, которым двигали только два чувства: личные политические амбиции и страх.

Главное обвинение, выдвинутое против Бахтияра, состояло в том, что он принял свой портфель из рук шаха, но разве тот же Санджаби неделей раньше не добивался встречи с монархом и не жаждал этого же поста. **Получается**, что стань он премьером, то это не было бы изменой идеалам свободы и демократии, а когда это сделал другой, то **это** ренегатство.

В то же время либералы видели, какую власть над народом приобретает **духовенство, и** прежде всего Хомейни. Они не находили в себе мужества сказать что-либо не соответствующее его воле. Не случайно Санджаби быстро пристроился к последнему и усиленно предлагал ему себя в качестве нового главы правительства. Если он не предвидел, к чему может привести приход к власти духовенства, то он несостоятелен как политик. Если же он осознавал возможные последствия этого, но продолжал вести прежнюю линию заигрывания и низкопоклонства перед Хомейни, то он несостоятелен как гражданин и патриот своей страны. Но **очевидно**, что он несостоятелен в обоих этих качествах. Об этом говорит уже тот факт, что много лет спустя, когда сам Керим **Санджаби, бесславно** закончив свою политическую карьеру, оказался в эмиграции и уже знал все то, что в начале **1979** г. было туманным будущим, он и тогда с упоением рассказывал о том,

как они изгоняли из Национального фронта **Шахпура Бахтияра** и всякий раз подчеркивал, что тот был **исключен единогласно**. Вот уж действительно о ком с полным основанием можно сказать: "Вы ничего не поняли и ничему не научились", так это о **Санджаби**.

Бахтияр видел всю недостойность поведения лидеров **Национального фронта** и его опасность для страны и подвергал их аргументированной критике: "Я и этот доктор Санджаби мечтали о том, чтобы были хотя бы четыре комнаты и чтобы мы могли прибить вывеску на штаб-квартиру Национального фронта и создать организацию. А теперь, когда свобода существует, что он говорит? Разве он хочет вести политическую борьбу? И почему вместо того чтобы заниматься **организацией**, он постоянно целует руки **господи ну Хомейни?**.. Мы не хотим на место старой и изношенной диктатуры новой, полной сил .

Уместно задаться вопросом: что было бы, если бы позиция Национального фронта была диаметрально противоположной и он поддержал бы новое правительство? Скорее всего все развивалось бы примерно так, как и было в действительности, т.к. в тот момент огромные народные массы слепо подчинялись воле Хомейни и за либералами мало бы кто пошел. Так **значит** правы были Санджаби и **К^о** в занятой ими позиции? Нет. Ибо самой сутью своих действий они компрометировали те демократические ценности, **приверженность** которым декларировали в течение 25-30 лет своей деятельности в оппозиции. Они нанесли сильный удар по самой идее свободы и конституции, которую собирались защищать. Они, взяв под козырек перед грозным диктатором, сами стали ренегатами и скатились к политике хвостизма и умиротворения агрессора, которая еще никому в мире не приносила **успеха**. Если бы они не сделали этого, то проиграли бы вместе с **Бахтияром** в феврале **1979 г.**, а не **чуть позже** - осенью **1979 г.**, когда ушло в отставку правительство **Мехди Базаргана**, и где один из министерских постов занимал Санджаби, но зато они были бы в огромном моральном выигрыше от того, что сохранили верность идее либерализма и конституции и могли бы **сказать: "Я сделал все что мог. Пусть кто может сделает лучше!"**

Нельзя сказать, что у либералов не было выбора и возможности не потерять своего лица, кроме как поддержав **Бахтияра**. Примером тому может быть позиция крупного деятеля оппозиции, светского исламиста Мехди Базаргана, который отказался войти в правительство, но не **изменил** отношения к **Бахтияру** как своему дав-

нему другу, с которым они были на **"ты"**. Базарган помогал ему вступить в контакт с Хомейни, чтобы достичь разумного компромисса, они вместе обдумывали текст обращения к Хомейни и т.д. В связи с этим примечателен спокойный и дружеский разговор, имевшийся у них в период, когда Бахтияр подвергался всеобщей **травле**:

"Бахтияр: я слышал, что он **/Хомейни. - З.А./** собирается сделать тебя своим **премьер-министром**. Ты уверен, что сможешь с ним работать?"

Базарган: это не будет **легко**. Он ведь не аргументирует так же, как мы с тобой.

Бахтияр: Мы тоже не думаем одинаково, но пока еще есть возможность достичь договоренности по многим вопросам.

Базарган: Верно, но дело будет трудным, особенно в такой возбужденной обстановке" .

И все-таки они не смогли достичь согласия. Это произошло из ложного **предположения**, в плену которого оказался Базарган, полагавший, что после победы революции Хомейни сам добровольно откажется от власти и уйдет в Кум, чтобы там заниматься **религиозными** вопросами, а сам он сможет начать создавать в Иране демократическое общество. Это, как мы уже **знаем**, было иллюзией. И поэтому можно говорить о крупной политической ошибке Базаргана. Однако вся его деятельность и в это время и позже, когда он ушел в оппозицию к Хомейни, показывает, что он как гражданин был честен и всегда вел себя достойно и не менял своих убеждений, **что, не взирая** на политические **просчеты, делает** ему честь.

Если же вернуться к обвинениям в адрес Бахтияра, то следует сказать, что он не сделал зла никому из своих бывших соратников по партии и потому он не предатель. Он не изменил ни одной из идей, которых придерживался, и потому он не ренегат. Он всегда выступал за свободу и демократию в рамках монархии, которая **должна** была на деле, а не только на бумаге, стать **конституционной**. Именно этим объясняются его действия в тягчайший для Ирана период. Он любил своего государя, являвшегося долгие годы его гонителем, как любят национальный символ: "Моя преданность падишаху была предельной не по причине моей личной **привязанности**, а по причине того, что эта верность **соответствовала** принципам, в которые я твердо верил, и моей природной искренности . Он прекрасно видел все слабые стороны

монарха, но понимал то, чего многие не могут понять и сейчас, что Иран не способен к поступательному движению вне рамок конституционной монархии, ибо это противоречит его 2500-летней традиции .

План **Бахтияра** по стабилизации положения в стране состоял в предоставлении максимальных демократических прав и свобод, привлечении к сотрудничеству всех тех сил, которым дорога судьба Ирана и умиротворение народа, нуждающегося в помощи для того, чтобы выйти из состояния массового психоза и сумасшествия, в которое он был введен улемами. Он, хотя и относился с почтением к монарху и самому институту ограниченной монархии, допускал, что народ может отринуть эту форму государственного устройства и предлагал провести референдум по этому вопросу. Но не немедленно, а спустя несколько месяцев, когда люди успокоятся и смогут **свободно**, не боясь давления с чьей-либо стороны, взвесить все "за" и "против" и вынести свой вердикт. Он был против немедленного проведения выборов в межлис или какие-либо другие выборные органы, т.к. считал, что в условиях массовой эйфории и давления со стороны духовенства 9 из 10 иранцев отдадут свои голоса за Хомейни и его сторонников, если же выборы будут проводиться позже, то и результаты будут совсем иными.

Вопрос состоял в том, как умиротворить народ и помочь ему вернуться к нормальной жизни. Все силовые репрессивные методы были как неэффективны, ибо вызывали только обратную реакцию, так и принципиально неприемлемы для него. И здесь **Бахтияр**, хорошо знавший некоторые слабости своего народа, нашел другой выход, который, как он пишет, полностью соответствовал социалистическому принципу - зарплата **взамен за** труд. Именно поэтому в конце января он издал постановление следующего содержания: "Каждый человек, имеющий опаздания /на работу/ более 15 минут в неделю, будет получать зарплату пропорционально времени своего присутствия на рабочем месте" . Этой мерой он, и небезосновательно, надеялся удержать людей от участия в массовых беспорядках и демонстрациях, каждая из которых становилась поводом для проведения последующих.

Для того, чтобы все меры, предпринятые премьер-министром, дали свои результаты, нужно было время, по оценке его самого не менее двух месяцев. Весь этот период само правительство могло существовать только при поддержке армии, которая должна

была взять на себя охрану основных жизненно важных экономических, военных и иных объектов, но ни в коем случае не участвовать в разгоне демонстраций, т.к. крайне важно было не допускать даже случайного кровопролития, использовавшегося духовенством для нагнетания религиозной истерии. Военным было разрешено открывать огонь только после того, как кто-либо начинал стрелять в них самих.

Таким образом, армия являлась главным гарантом существования нового правительства, но при этом была подчинена премьер-министру. Перед отъездом из страны **Мохаммед Реза-шах** призвал генералитет сохранять верность конституции и обязал его всецело поддерживать Бахтияра. Начальником Генерального штаба был назначен генерал армии **Карабаги**, которому он полностью доверял. Однако высшее военное командование не справилось с поставленной перед ним задачей. И здесь дело совсем не в том, что солдаты и офицеры вышли из повиновения, хотя, конечно же, далеко не все части были одинаково верны правительству. Главная причина состоит в том, что сам генералитет оказался несостоятелен и 11 февраля на заседании Высшего Совета Армии, проводившемся тайно от **премьер-министра**, было принято заявление о нейтралитете армии, текст которого приводится ниже **полностью**:

"Иранская армия, имеющая своей обязанностью защиту независимости и территориальной целостности любимого Ирана, до сих пор в ходе внутренних беспорядков, стараясь поддерживать законные **правительства**, выполняла эту миссию наилучшим образом. Принимая во внимание последние изменения в стране, Высший совет армии собрался в 10³⁰ утра 22 бахмана 1357 г. (соответствует 11 февраля 1979 г. - **З.А.**) и единогласно принял решение о том, что для предотвращения дальнейших беспорядков и кровопролития он объявляет о своем нейтралитете в нынешнем политическом конфликте и отдал распоряжение военным подразделениям вернуться в свои гарнизоны.

Иранская армия всегда была и будет на стороне благочестивого и патриотичного народа Ирана и всеми силами поддерживает желания благородного иранского народа .

Настоящее заявление является совершенно нелогичным и лживым, свидетельствующим о том, что высший генералитет совершил государственную измену, нарушил присягу, данную, заметим - еще не свергнутому в то время и не отрешенному от престола, монарху, бросил на произвол судьбы законное правительство. **Ка-**

кие, интересно, "последние **изменения** в стране" привели военных к осознанию того, что правительство **Бахтияра** вдруг стало **незаконным**. Ведь Хомейни посылал проклятия на голову Бахтияра **практически** все время после занятия им поста премьер-министра, **видимо**, забыв ту массу самых лестных **эпитетов**, которыми он награждал его раньше. Да и где же логика в гордости военных тем, что они защищали в ходе внутренних беспорядков законные правительства, ведь все эти правительства как раз-то и считались незаконными теми, кому подыграли военные своим нейтралитетом.

Объявлялось, что целью нейтралитета армии было предотвращение кровопролития, но в действительности именно этот шаг открыл путь к беспрецедентному до этого насилию и кровопролитию в Иране. И по закону исторического возмездия одними из первых жертв стали многие из тех, кто принимал это решение, видимо, в знак благодарности нового режима за службу. Из членов Высшего Совета Армии четверо были расстреляны уже в течение первых месяцев после установления новой власти, двое тайно бежали из страны и только один спокойно прожил в Тегеране почти два года и затем отнюдь не тайно переехал в Европу, где занялся написанием мемуаров, называя изменниками почти всех, кроме себя. Кто же он и почему так сравнительно спокойна оказалась его судьба? Этот человек не кто иной как друг детства Мохаммеда Реза-шаха генерал армии Карабаги, который и был главным организатором и вдохновителем измены армейской верхушки. Он тайно (прямо или через посредников) вступил в контакт с духовенством и, выторговав свою жизнь за **измену**, подбил остальных генералов на этот шаг. Причем, как сообщают некоторые авторы, после прихода к власти Хомейни Карабаги помогал исламским трибуналам собирать обвинительные материалы на своих бывших коллег¹⁵.

Итак, последний шахский кабинет пал, монархия рухнула и в этом смысле **революция** свершилась. Но власть оказалась в руках шиитских богословов, ведомых Хомейни, который располагал разработанной им целостной концепцией "правления мусульманского богослова-правоведа" (веляте **факих**). Как же можем мы оценить революцию с точки зрения задачи данного очерка?

Постараемся разобраться в сути **свершившегося**, не забегая вперед. Прежде **всего, демократическое движение** в Иране, в очередной раз начавшее подниматься во второй половине 70-х годов,

носителем которого была либеральная буржуазия и **интеллигенция**, не ставило своей задачей ликвидацию монархии. Оно хотело только установления в стране демократических прав и свобод, предусмотренных конституцией **1906 г.**, превращения последней из бумажной в реальную конституцию, превращения режима личной власти Мохаммеда Реза Пехлеви в подлинно конституционную монархию. При этом **подразумевалось**, что с учетом национальных особенностей страны и уровня развития ее народа монарх все-таки должен обладать несколько большими правами, чем его европейские собратья. Чувство протеста у интеллигенции вызывали печальные нарушения прав человека в Иране и злоупотребления тайной политической полиции - **САВАК**, имевшие место не без поощрения со стороны шаха. Многие представители либеральной оппозиции выражали свое несогласие с существующим положением вещей в форме открытых писем представителей интеллигенции творческой и служилой, в т.ч. на имя шаха, ходивших в списках и даже публиковавшихся в средствах массовой информации .

Именно либерально-демократическая оппозиция начала первой оказывать давление на власть. Она создавала определенное общественное мнение и настроение, втягивала все большее и большее количество людей в движение протеста. В этом был залог успеха задуманного дела, но в этом же (как показала история) заключалась и большая опасность для свободы и демократии в стране. Вовлекавшиеся в активную политическую жизнь широкие народные массы были недостаточно образованны, многие даже не понимали, что такое демократия, не осознавали, что как священна жизнь каждого из них, так же священна и жизнь и достоинство других. Выступая против злоупотреблений и насилия со стороны правящих верхов, массы не видели ничего плохого в насилии, творимом ими самими. В сознании народа не было, да и не могло быть закреплено верховенство и **незыблемость** законов. Люди были морально **готовы** к социальному буйству и бесчинству ради достижения целей, на которые им **укажут**. Перед входящими в политику людьми стоял **вопрос**: за кем идти - за **либералами**, левыми или духовенством? И именно в силу своей отсталости они пошли главным образом **за** духовенством, говорившим на понятном им языке, оперировавшим традиционными исламскими категориями и издавна являвшимся крупной политической силой в **иранском** обществе. Сильному влиянию духовенства были подвержены и многие представители левых сил.

В то же время, как мы видели, и большинство иранских либералов оказалось непоследовательным и даже откровенно трусливым. Увидев, что подавляющее большинство народа идет не за ними, а за Хомейни, они практически отреклись от всех своих принципов и стали послушными исполнителями его воли.

Именно в отсталости масс и их готовности следовать за исторически реакционными силами состоит причина перерождения буржуазно-демократической революции в свою **противоположность**, окрашенную в исламские цвета. И в этом случае буржуазно-демократическая революция в Иране стала жертвой слишком широкого вовлечения в политическое действие широких слоев населения, совершенно не готовых к ней. Эта закономерность очевидна, и иранские **события** только подтверждают трагический опыт **России**.

При анализе хода каждой революции исследователи всегда задаются вопросом: когда же она прошла свою кульминацию? В случае с иранской революцией в **1978-1979** гг. высшей точкой считается "**победоносное**" восстание 9-11 февраля, когда пало правительство доктора Бахтияра. Однако существуют и другие мнения. Так, в частности, **А.З.Арабаджян** считает, что революция, с точки зрения стоявших перед ней задач буржуазно-демократического характера, прошла ее раньше, когда было отвергнуто правительство **Ш.Бахтияра** и предложенное им сотрудничество между всеми силами, стремившимися к восстановлению конституционных свобод и демократическому развитию общества.

Соглашаясь с этой оценкой, добавим, что в этот момент буржуазно-демократическое течение в революции не только прошло свою кульминацию, но и потерпело поражение, правда, не от монархии, а от духовенства, формировавшего в недрах революционного порыва масс исламский режим.

Отвергнув предложение Бахтияра к сотрудничеству, иранское общество упустило уникальный шанс перейти от монархии авторитарной к монархии конституционной, содержащей в себе все демократические права и свободы, или даже к буржуазной республике. Этот шанс был упущен во многом из-за политической незрелости левых сил и проистекавшего из этого левачества и экстремизма, не говоря уж о политической слепоте либералов.

В связи с этим вспоминается **то**, как часто политические деятели, ученые и др. обвиняли **Мохаммеда** Реза Пехлеви в неиск-

ренности и лицемерии, когда он говорил, что в принципе не имеет ничего против демократии, но считает ее неподходящей для Ирана, т.к. иранский народ не готов к ней. Конечно, я не смею судить о степени искренности шаха, рассуждавшего так. Но разве независимо от этого мы, зная все то, что произошло в **1978-1979** гг. и особенно после, уже при Исламской Республике Иран, не должны с горечью и сожалением подтвердить неготовность большинства иранского народа к жизни в условиях демократии не только в тот период, но, видимо, и сейчас?

Опыт иранской революции помогает выявить и еще один важный в теоретическом отношении вопрос - влияние позиции, занимаемой властью, на ход и результат революции. Для этого необходимо сравнить две, столь разные, но во многом достаточно близкие революции: иранскую революцию **1978-1979** гг. и китайскую революцию **1989** года. При всей их внешней несхожести они были вызваны одноптичными причинами. В обеих странах власть сама начала проводить комплекс глубоких и достаточно эффективных социально-экономических реформ, которые оказались более или менее успешными и привели к крупным переменам базисного характера. В то же время и в Иране и в Китае перемены экономического характера не оказались подкреплены таковыми в политической системе общества, которые были чрезвычайно необходимы именно в силу успешности экономической трансформации, что в обоих случаях привело к революционному взрыву. Однако результаты этих выступлений оказались диаметрально противоположными не в последнюю, а может быть и в первую очередь, из-за позиции, занятой властью, олицетворявшейся **Мохаммедом** Реза Пехлеви в первом случае и Дэн Сяо Пинем во втором. И если лидер Китая не убоился давить свой народ гусеницами танков, то шах Ирана не захотел стать палачом своего народа.

С падением монархии пришел конец и длительному циклу всей совокупности реформ "**Белой революции**", объективным, равно как и субъективным содержанием которой являлось завершение **формационного** перехода иранского общества от феодализма к капитализму. Заметим, что в целом ряде европейских стран эта задача достигалась с помощью политических революций.

Что же предложил исламский режим в качестве новой концепции для дальнейшего социально-экономического развития Ирана? Таковой стала мелкобуржуазная теория "**исламской (тоухидной)**

экономики", одним из **создателей** которой являлся Абуль Хасан Банисадр, ставший первым президентом **ИРИ**. Суть этой теории состоит в апологии мелкого производства, повороте вспять естественного процесса развития производительных сил страны, свертывания крупных промышленных **предприятий, переносе** центра тяжести экономического развития на простое товарное производство и сельское **хозяйство**, в резком ограничении экономических связей с внешним миром, поскольку они способствуют развитию крупного производства и концентрации собственности в руках немногих. Целью всех этих мер, согласно "исламской **экономике**", является ликвидация главного противоречия общества - противоречия между богатством и бедностью.

Следует отметить, что эта концепция крайне противоречива и утопична, особенно с учетом пути, пройденного страной в 60-70-е годы. Именно вследствие этого экономические разделы конституции ИРИ, принятой в декабре **1979 г.**, и базировавшиеся на теории **тоухидной** экономики, также противоречивы. Так, согласно параграфу второму 43 статьи, в ИРИ не должно быть допущено концентрации капиталов ни в руках частных **лиц, ни** в руках государства, чтобы не допустить превращения его в монопольного работодателя. В то же время в следующей статье в госсектор включены все крупные предприятия тяжелой и добывающей промышленности, энергетика, внешняя торговля, связь, авиационный, морской и железнодорожный транспорт, радио и телевидение, **банки и т.д.**, т.е. государству сразу же отдавались буквально все ключевые экономические позиции. После государственного сектора приоритеты отдавались кооперативному, который должен был действовать в сферах производства и **распределения**, согласуясь с нормами ислама. Частному же предписывалось всего лишь дополнять деятельность первых двух секторов экономики.

В практической сфере это нашло воплощение в широкомасштабной политике национализации промышленных, торговых и транспортных предприятий и полной национализации банковской системы. В результате многие промышленные объекты, ранее приносившие прибыль своим хозяевам, быстро превратились в убыточные и повисли тяжелым грузом на плечах государственного **бюджета**.

Еще большее насилие над объективными экономическими законами осуществлялось в финансовой сфере, когда в первой половине 80-х годов в Иране начала насаждаться исламская так называ-

емая беспроцентная банковская система, т.к. взимание процента запрещено верой. Для того чтобы как-то привлечь население к этой системе, между вкладчиками в конце года стали разыгрывать призы: автомобили, дорогостоящие товары длительного пользования, туристические путевки за границу и денежные выигрыши. Если в первые годы государству удавалось привлекать значительные суммы в **исламскую** банковскую систему, то уже во второй половине 80-х годов наблюдалось резкое сокращение беспроцентных вкладов. Так, если на март **1985 г.** общая сумма таких вкладов составляла **1497** млрд. риалов, то ровно через год - всего **903** млрд. риалов (снижение на **39,7%**), что свидетельствовало о фактическом кризисе исламской беспроцентной банковской системы, усиленно пропагандировавшейся руководством ИРИ.

Практическая деятельность достаточно быстро выявила всю противоречивость положений тоухидной экономики и декларативность положений о предотвращении "эксплуатации чужого труда".

Наиболее показательной здесь является судьба законов о **земельной** реформе и об огосударствлении внешней торговли.

Новая власть всячески критиковала аграрную реформу, проведенную **шахом, и**, после отставки правительства Базаргана (ноябрь **1979 г.**), выступавшего против изменений в порядке землеустройства, Исламский революционный совет принял "Закон о передаче и возрождении земель", который должен, по мнению его создателей, наделить крестьянство землей. Однако это вызвало противодействие со стороны земельных собственников и значительной части **духовенства**, заявивших, что тем самым нарушается освященное исламом право частной собственности. Действие закона, после многочисленных поправок и **корректировок**, было приостановлено лично **Хомейни** в ноябре **1980 г.** Проблема аграрной реформы время от времени начинала обсуждаться до ноября **1986 г.**, когда меджлис принял закон о прекращении земельного передела, но признал **перераспределение**, проведенное ранее. Несмотря на это, поступало множество сообщений об отнятии земель у новых собственников. Во многих районах страны до **60%** **лиц, получивших** землю при исламском **режиме**, были вынуждены вернуть ее прежним владельцам.

После долгих лет обсуждений не был введен и закон об огосударствлении внешней торговли, который вызвал резкие протесты со стороны представителей торгового капитала, представленных

в том числе и религиозными деятелями, поскольку в этом случае государство превратилось бы в "единственного крупного **предпринимателя** с неограниченными правами".

Следует отметить, что многие трудности в послереволюционном Иране проистекают из неразрешенности вопросов собственности. Хотя принцип **неприкосновенности** частной собственности в **ИРИ** незыблем, однако ни один человек не может быть уверенным в неприкосновенности своего имущества, т.к. режим постоянно проводит кампании по конфискации состояний лиц, сотрудничавших с шахской властью (дьяволят - **тагутчеха**), **врагов „исламской революции“** и пособников мирового **империализма**. Под одну из этих категорий может **попасть** практически любой неугодный властям человек. Данное обстоятельство очень сильно сдерживает предпринимательскую активность частного сектора прежде всего в таких отраслях как обрабатывающая и добывающая **промышленность**. Из-за отсутствия должных гарантий частный капитал из этих отраслей устремился в торговлю и услуги, приносящие более быстрый, надежный и большой по размерам доход и не требующие крупных инвестиций. Попытки властей поощрить частное предпринимательство и привлечь капиталы в сферу производства в условиях нерешенности главного вопроса, предпринимавшиеся во второй половине 80-х годов, **серьезного** успеха не имели.

Таким **образом**, период существования исламского режима стал временем значительных перемен в социально-экономической структуре Ирана. Однако, в отличие от 60-70-х годов, эти перемены не способствовали завершению **формационного** перехода. Они, хотя и не смогли подорвать капиталистической эволюции страны, однако серьезнейшим образом деформировали и притормозили ее течение. В результате иранский капитализм принял более отсталые и паразитические формы и на его челе появилось больше "родимых пятен феодализма", окрашенных в мелкобуржуазные и исламские тона. И в этом смысле, с учетом задачи, поставленной автором, и его системы ценностей, имеющие в послереволюционный период место экономические перемены могут быть названы антиреформами.

В отличие от монархии, исламский режим оказался по-своему последовательным и подкрепил экономические **изменения** адекватными переменами во всех других сферах: **законодательстве**, политическом устройстве общества, культуре, образе жизни и т.д.

Прежде всего для ускорения судопроизводства новый режим **создал** революционные трибуналы, которые рассматривали дела по весьма упрощенной схеме и активно использовались для осуществления массовых казней. Кроме **того, в** обиход был возвращен, уже было отошедший в прошлое, шариатский суд, где есть только судья и нет ни **прокурора**, ни адвоката, ни присяжных. Причем практически отсутствуют четкие критерии, согласно которым то или иное дело должно рассматриваться светским или шариатским **судом**.

Политическое устройство общества также претерпело коренную переделку. Постепенно исламисты полностью ликвидировали все демократические свободы, данные народу еще правительством **Ш.Бахтияра**, от которых не собирались отказываться ни **Мехди** Базарган и его **правительство**, ни левые силы. В Иране были уничтожены все политические партии. Режимом была **создана** ПИР (Партия Исламской Республики) в качестве его официальной партии и **Хезболла** - организация фанатично настроенных **погромщиков**. Однако спустя несколько лет (в декабре **1986 г.**) руководители ПИР объявили о самороспуске партии как якобы уже выполнившей свою историческую миссию. Правда, в заявлении о ее самороспуске отмечалось, что в случае необходимости она может быть воссоздана.

Значительное развитие получили карательные органы. Если до **1978-1979** гг. они состояли из армии, полиции и жандармерии и САВАК, то при новом режиме они стали еще мощней: армия, полиция и жандармерия, **КСИР** (Корпус стражей исламской **революции**), революционные исламские комитеты, **САВАМ** (тайная политическая полиция, преемница **САВАК**), служба безопасности при президенте и т.д.

Хотя в конце **1988 г.**, по заявлению министра информации Рейшахри, в Иране разрешалась деятельность политических партий, если она не противоречит национальным интересам, свободе и независимости страны и соответствует принципам ислама, однако было ясным, что это не более чем ловкий ход, призванный ввести в заблуждение мировое сообщество. Это тем более очевидно, что разрешение деятельности партий сопровождалось массовыми казнями политических заключенных в переполненных иранских тюрьмах. Практика массовых казней политзаключенных практиковалась и в дальнейшем, одной из причин тому была необходимость

разросшимся карательным органам оправдывать свое **существование**.

Унификация и ужесточение всех сторон жизни выразилось прежде всего в **исламизации иранского** общества и т.н. **культурной** революции, первой жертвой которых стала система образования страны и особенно высшего. **Исламизация** высшего образования началась с закрытия вузов (**1981-1983 гг.**) и чистки профессорско-преподавательского состава. Из их рядов изгонялись все заподозренные в **неблагонадежности**. Не желавшие сотрудничать с режимом уходили сами. Появлявшиеся вакансии заполнялись исламистами, многие из которых не имели никакого опыта **преподавания**, а то и дипломов о высшем образовании. В то же время усилился контроль за отбором абитуриентов: к **конкурсным экзаменам** допускались только те, кто имел рекомендацию от какой-либо исламской организации или духовного лица. Со всеми кандидатами в абитуриенты проводилось основательное **собеседование** для выявления степени их приверженности духу и букве **ислама**.

Политика исламизации охватила не только систему высшего образования, но и школьное обучение, подготовку радио- и теле **визионных** программ, **книгопечатание**, прессу и т.д. Основная ее цель - упрочение социальной базы режима и искоренение **инакомыслия**.

Власть постоянно пытается контролировать жизнь людей в **самых** ее обыденных проявлениях. Одним из наиболее ярких доказательств **тому** следует считать настойчивые попытки властвующих исламистов и их подручных из **Хезболла** одеть всех по единому правоверному мусульманскому образцу. Для женщин это означало принудительное ношение чадры или **хиджаба**.

Обобщая все сказанное выше, следует признать, что общественно-политические перемены послереволюционного периода носили откровенно реакционный характер и никак не способствовали формированию гражданского общества в Иране. И если система, существовавшая при монархии, не без основания могла считаться авторитарной, то нынешний исламский режим есть **не** что иное как режим тоталитарный.

В **целом**, учитывая **происшедшие** экономические, социальные и политические перемены, можно сказать, что иранское общество оказалось сильно отброшено назад во всех компонентах своего

формационного развития и теперь, весьма вероятно, окажется обреченным на очень длительный во времени и болезненный путь не только по воссозданию того **положительного**, что было в до-революционном Иране, но и решению вопросов, нерешенность которых во многом создавала предпосылки и причины самой революции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, рассмотрев с интересующих нас позиций почти два века истории Ирана, мы прежде всего должны заметить, что хотя они были достаточно насыщены как усилиями власти по реформированию общества, так и революционными выступлениями масс, это время оказалось цепью революций и реформ, в которой имелись временные разрывы и порою весьма **значительные**. Наиболее крупные разрывы приходились примерно на следующие периоды: начало 30-х - конец 40-х гг. XIX века, последняя четверть XIX - начало XX века, 1912-1921 гг., и начало 40-х - конец 50-х годов текущего века. В общем дискретность в данном вопросе вполне естественна и понятна чисто **логически**, ибо очевидно, что социально-политическая трансформация в стране, вне зависимости от формы, не может интенсивно протекать на протяжении почти двухсот лет. Однако, это обстоятельство не снимает необходимости понять, чем именно были обусловлены эти **паузы**.

Сначала о причинах спадов реформаторской активности власти. Первое и самое простое объяснение - отсутствие в определенные периоды необходимости в крупных социально-экономических и политических переменах в стране - должно быть смело отброшено, учитывая состояние, в котором находился в каждый отдельный период времени Иран, неудачность предшествовавших реформ (имеется ввиду XIX век) и невыполненность объективной задачи реформаторства по осуществлению **формационного** перехода. В этом смысле острая потребность в преобразованиях **сохрани-**лась и по сей день.

- Спады в реформаторской активности объяснялись не отсутствием потребности в переменах, а отсутствием реформаторов, **ко-**торые смогли бы глубоко осознать необходимость в них, выработать схему проведения, создать **себе** социальную опору и обладать мощной волей и неукротимой жадой проведения в жизнь своих идей, направленных на общее благо. **Последнее** обстоятельство крайне важно, ибо Иран никогда не был беден на умных людей, но далеко не все из них направляли свой ум и способности на служение обществу .

Этот фактор имел преимущественное значение в XIX веке и

усугублялся вырождением правящей династии **Каджаров**, которая была неспособной выдвинуть из своих рядов подлинно крупных реформаторов. С приходом к власти династии Пехлеви он **оказал-**ся устраненным, ибо оба ее представителя имели все данные, необходимые личности, взявшейся за осуществление крупномасштабных перемен.

В текущем столетии основной причиной длительных пауз в социально-экономическом и политическом преобразовании общества стал внешний фактор, который хотя существовал и ранее, однако по своему значению не был главенствующим. **Здесь** я прежде всего имею в виду последствия для Ирана двух мировых войн и Октябрьской революции в России.

Хотя все эти события формально не должны были коснуться Ирана, т.к. он объявил о нейтралитете в ходе обеих войн, а по **отношению** к Советской России был самостоятельным суверенным государством, однако действительность оказалась совершенно иной. Вокующие страны не посчитались с иранским нейтралитетом и превратили его территорию в арену военных действий во время первой мировой войны, а в ходе второй - даже полностью оккупировали. Октябрьская революция также оказала сложное влияние, и политика экспорта социалистической революции из России значительно усилила политическую нестабильность в Иране.

Внешний фактор создавал напряженную политическую обстановку, приводил к росту **сепаратизма**, выливавшегося порою в попытки откола от страны отдельных ее частей (**Гилянская** республика в **1920-1921** гг. и Азербайджанская Демократическая Республика **1945-1946** гг.). Иными словами, он настолько дестабилизировал ситуацию, что в таких условиях проведение сколько-нибудь серьезных крупных реформ оказывалось невозможным.

Если разбирать спад реформаторской активности в каждый конкретный период, то конечно найдутся и какие-либо другие факторы, но две указанные выше причины, как мне кажется, являлись основными и наиболее весомыми препятствиями на пути активной трансформации иранского общества.

Кто-то может **предположить**, что в какой-то период в стране просто не было условий и необходимых предпосылок для проведения радикальных реформ. В какой-то степени это, может быть, и имело место, но время от времени происходившие сильные социальные взрывы, будь то в форме народных восстаний и бунтов или в виде революций, убедительно показывают, что по большому сче-

ту **потребность** в реформах была **все время**. Здесь достаточно вспомнить, что социальные потрясения происходили практически все время вслед за периодами спада реформаторской активности, или точнее сказать наоборот - паузы в реформаторстве приводили к выступлениям масс, носивших революционный характер. Так, бабидские восстания последовали за паузой 30-40-х годов XIX в., а революция **1905-1911** гг. - за упадком конца XIX в. В XX веке эта закономерность также прослеживается, хотя и немного смазывается влиянием внешнего фактора. Так, спад реформаторства после первой иранской революции привел к широкому недовольству, выразившемуся как в сепаратистских устремлениях, так и в полном отчуждении между династией **Каджаров** и народом. Отсутствие необходимых социально-экономических и политических перемен в обществе в 40-ые годы - к росту демократического движения конца 40-х - начала 50-х гг. А **отсутствие** политических реформ, адекватных изменениям в экономике и социальной сфере 60-70-х гг. - к последней иранской революции. Значительные временные разрывы между революционными взрывами в Иране **прорастают** прежде **всего** из самой сути революции как сравнительно кратковременной вспышки, разрешающей в случае ее успеха **имеющиеся** в обществе противоречия. Кроме того, успешность в проведении радикальных реформ, как это имело место в период правления Реза-шаха, устраняет объективную основу для революционных **выступлений**.

Немаловажным фактором является усталость и апатия широких слоев населения и особенно тех, **которые**, как **правило**, являются **застрельщиками** многих революций - **интеллигенции**. К примеру, в нынешнем **Иране**, где события **1978-1979** гг. создали больше противоречий, проблем и трудностей, чем **разрешили**, апатия, усталость и разочарование людей, **наряду** с рядом других причин, приводят к тому, что эти противоречия не разрешаются революционным путем, путем активного, силового, хотя и не обязательно вооруженного выступления.

Анализируя причины неудач реформаторов XIX века, следует отметить, что одной из основных причин этому было **несовпадение** фигуры реформатора с фигурой, персонифицировавшей высшую власть в стране - шахом. Для **того**, чтобы начинать **серьезные** преобразования, необходимо было быть, помимо всего прочего, сильным и волевым человеком, способным преодолеть сопротивление сторонников старого и осуществлять их **невзирая** ни на что.

Но появление такой личности всякий раз вызывало сильное сопротивление большей части бюрократии и духовенства, которые направляли свои усилия на подрыв доверия к реформатору и его компрометацию в глазах монарха. Последнему внушалась мысль о порочности, **нечестности**, злокозненности реформатора, вплоть до намерения узурпировать трон. И это срабатывало практически безотказно. Заложное в его душу недоверие давало свои плоды, разрастаясь в неприязнь, страх за свою судьбу и желание как можно скорее избавиться от сильной личности, а вместе с ней, к сожалению, и от всех ее идей и преобразований. Реформатор рано или поздно попадал в опалу и, порою, оказывался **лишенным** жизни по приказу шаха, совсем недавно выказывавшего знаки своего августейшего благоволения и расположения к нему и его реформам.

Такое положение продолжалось до начала 20-х годов текущего века, когда судьбе было угодно посадить на Павлиний трон энергичного и волевого человека, добившегося всего личными усилиями, умом, предприимчивостью и верой в свое высокое предназначение, способного служить своему народу и возвысить свою страну. Конечно, те или иные стечения обстоятельств влияют не только на судьбу отдельного человека, но и на конкретный ход истории той или иной страны, но, говоря о Реза-шахе, мы смело можем сказать, что в очень большой степени он сотворил себя сам и во многом определял конкретный ход исторического процесса страны (его **событийность**). Именно в нем прервалась печальная традиция прошлого и в одном лице соединились легитимный монарх и выдающийся реформатор, что, конечно, было счастливым случаем, имевшим колоссальные позитивные последствия для судьбы Ирана. То же повторилось при его сыне (правда, не **сразу**).

В Иране реформатор должен обладать огромной властью, контролировать основные рычаги государственной машины, включая армию, иметь доступ к источникам информации и финансам, а также обладать значительным авторитетом и уважением со стороны населения. До свержения монархии таковым был **Мохаммед** Реза. Что же после него? Какую должность занимать реформатору в политической системе **ИРИ**, чтобы успешно провести серьезные изменения в политической и экономической структуре общества: руководителя Исламской Республики, президента или кого-то еще. Да и появившись, куда он поведет страну? А может быть он уже действует и начинает воплощать свои идеи?

Принято считать, что в Иране было **две** революции **общенационального** масштаба - **1905-1911** гг. и **1978-1979** гг. Однако, на фоне этих **революций**, а также мирового опыта, я хотел бы высказать предположение о том, что за последние два века их все-таки было три. И третьей, а точнее первой по времени, следует считать **бабидские** восстания **1848-1851** гг. У этого (заметим - общенационального по масштабам) движения были свои социально-экономические причины, социально-классовая база и опора, духовный вождь и теоретик, своя целостная идеология, выступившая в виде ереси относительно ислама шиитского толка. Идеологическая основа бабидской революции в большой степени была направлена на подрыв господства духовенства удушавшего иранское общество и препятствовавшего всяким прогрессивным переменам в нем, что уже само по себе было подлинной революцией в умах людей. В этой революции была сильна антифеодалная направленность, что объективно придает ей черты **буржуазности**. В этом же направлении действовали и установки **Баба** по защите прав личности, справедливости, собственности, меры по благоприятствованию торговле, укреплению прав наследования и т.д. Хотя в бабидской революции было много религиозного мистицизма, утопических представлений, доходивших до намерений ликвидировать частную собственность, однако это не снижает **общей** объективной буржуазной направленности ее и не дезавуирует движение именно как революцию. Тем более что обе последние не были лишены ни **религиозности**, ни утопизма, особенно последняя. Да и мировой опыт красноречиво свидетельствует о том, что утопизм широких (и не очень) народных движений не мешает считать их революцией. Мы знаем примеры, когда революции базировались на мощном теоретическом фундаменте, побеждали, создавали **"новые формации"**, распространялись на огромное социальное пространство, а в итоге цели, к которым они **вели, и** их идеалы оказывались полной утопией, а созданные системы не более чем формой азиатского способа производства с тотальным огосударствлением **всех** сторон жизни общества.

Иранская революция **1905-1911** г. была крайне запутанной и противоречивой. Здесь достаточно только отметить, что огромную роль в ее **возбуждении** сыграли представители правящих классов и в первую очередь ряд высших улемов, действия и агитация которых оказали решающее влияние на представителей самых разных слоев общества и поставила их в **оппозицию** к шахской власти.

Причудливое стечение обстоятельств и интересов на **какое-то** время соединяло в единую, хотя и весьма недолговечную, постоянно, подобно ртути, то собирающуюся вместе, то тут же распадающуюся буквально на глазах, коалицию. В ней были представлены практически все социальные и политические группы от высшего духовенства и феодалов до крестьян и рабочих и даже российских революционеров. Громогласно заявленная цель всех участников была одна - ограничение власти шаха конституцией и парламентом (**меджлисом**), но при этом каждый из участников преследовал свои собственные цели, которые, как правило, входили в противоречие с таковыми других потоков конституционалистского движения.

Именно это обстоятельство дает мне основание полагать, что если и говорить о поражении революции **1905-1911** гг., то есть основание признать его весьма своеобразным. Ведь в декабре **1911 г. потерпела** поражение не революция сама по себе, а ее наиболее последовательные сторонники из Демократической партии Ирана, имевшие сильные позиции в меджлисе второго созыва. Именно эта партия, состоявшая из представителей радикально настроенной интеллигенции, национальной буржуазии, помещиков, купечества, ремесленников, олицетворяла самое прогрессивное и способное к конструктивной, созидательной деятельности на основе строгого соблюдения законов и гарантий прав личности крыло революционного движения.

Кроме того, следует помнить, что демократы были сокрушены не кем иным, как своими бывшими союзниками по антишахской коалиции - духовенством и феодалами. Нечто подобное, заметим, повторилось и в революции **1978-1979** гг. - и либералы и левые были раздавлены не шахом, а одним из участников по совместной борьбе с монархией - духовенством. Но если в первом случае происшедшее можно расценить как драму, то во втором оно оказалось трагедией.

В пользу такого вывода говорит и следующее. После поражения демократического крыла конституционалистов главные достижения революции не были уничтожены: конституция не **отменялась**, а меджлис был распущен только на время (это также подтверждает тезис о том, что нет оснований говорить о поражении **революции в целом**). Во втором же случае были уничтожены не только скромные позитивные моменты первых месяцев после свержения монархии, но и все те достижения и права, которыми страна обладала до революции.

Упомянутый трагизм усугубляется и тем, что последняя революция произошла в Иране, качественно отличавшемся (с социально-экономической точки зрения) от Ирана времен революции **1905-1911** гг. Революция **1905-1911** гг. произошла в условиях всеобщего кризиса в обществе, задыхавшемся в тисках устаревших производственных отношений, традиций и пережитков, нуждавшегося в приливе новых сил, людей и идей, способных расчистить дорогу для развития нового **производства**, и адекватной **ему** общественно-политической надстройки. Вторая же произошла в стране, где капиталистический способ производства уже успел победить, общество познало значительный экономический подъем на базе современных производительных сил и находилось на одном из завершающих этапов **формационного** перехода, когда имевшие место изменения в экономической и социальной сферах должны были быть подкреплены соответствующими переменами в его политическом устройстве.

Иранский материал дает основания для размышлений и о том, как важна **позиция**, занимаемая **властью**, для развития самой революции. Здесь имеется в виду даже не то, что в одних случаях власть может разумными мерами разрешить определенные противоречия, имеющиеся в обществе и тем самым предотвратить социальный взрыв, а в других наоборот. А то, что уже в ходе начавшихся выступлений от ее действий зависело как будет протекать революция, насколько кровопролитной она будет. Так, в начальный период революции **1905-1911** гг., когда Мозаффар эд-**Дин-шах** под влиянием прогрессивно настроенной части иранской аристократии сделал правильные шаги в направлении демократизации общества и пожаловал своему народу конституцию и меджлис, революционный процесс протекал относительно спокойно и с малой кровью. Когда же сменивший его на престоле Мохаммед **Али-шах** в корне изменил позицию власти и решил ликвидировать достигнутые свободы и права, то это привело к сильному ожесточению в обществе и переходу к крайним способам решения имевшихся проблем.

Но следует помнить, что не всякое движение власти навстречу оппозиции способствует снижению социально-политической **напряженности**. Достаточно указать на события **1978-1979** гг., когда мягкость монарха и его желание всеми средствами избежать кровопролития и ради этого его готовность к уступ-

кам воспринималась исключительно как слабость власти. Как **известно**, такое отношение противников режима привело к эскалации насилия в ходе разрастающейся революции. Не последняя роль в этом принадлежала лево-экстремистскому подполью, которое ради усиления напряженности и недовольства в обществе не гнушалось террористическими актами против ни в чем не повинных людей (взрывы на улицах, в ресторанах, кинотеатрах и других общественных местах) и старалось приписать эти действия властям, хотя в использовании такой тактики оно и не преуспело мулл.

При таких обстоятельствах национальные интересы требуют от власти отказаться от уступок и, проявив твердость, начинать либерализацию только после стабилизации положения в стране. Ибо ее уступчивость в конечном итоге оборачивается неисчислимыми жертвами того же народа и откатом общества в эпоху насилия и беззакония, чему **блестящее** подтверждение дала последняя иранская революция. В сложной ситуации власть должна четко определить и **уяснить, что** именно представляют из себя ее оппоненты, готовы ли они к компромиссу и на какой основе, кто является истинным лидером оппозиции и каковы его действительные цели. Только после этого должно быть принято решение об избрании позиции: политика компромиссов и уступок или соблюдение твердой линии. В нашем случае власть в лице **Мохаммед** Реза-шаха не смогла правильно сориентироваться в обстановке и приняла решение, которое, как показали прошедшие после революции годы, не отвечало цели установления свободы и демократии в Иране - условий, необходимых для формирования современного буржуазно-демократического общества, которое доходит до уровня отдельного гражданина страны и создает потенциальную возможность для его социального продвижения.

И пусть взыскательный читатель, прочтя эти строки, не спешит обвинять автора в тяге к **резонерству** и чтению душепагубительных бесед, ибо все, что написано в этой книге, диктуется моей любовью к Ирану, сопричастностью к боли и скорби его народа, которая нам, россиянам, понятна и близка, как может быть никому другому. Ведь несмотря на все внешнее различие двух стран - России и Ирана, в их исторических судьбах есть множество общих черт и сходства.

К сожалению, это сходство и параллелизм судеб имеют **какой-то** печально-трагический характер и оба народа как бы со-

ревнуются друг с другом в свершении ужасных ошибок, самоистязания и самоуничтожения. Последняя иранская революция и ее последствия, так же как в свое время и Октябрьская в России, явилась тяжким ударом по социальному генотипу нации и положила начало самой кровавой эпохе в 2500-летней истории страны.

Здесь можно вспомнить судьбы тех же **левоэкстремистских** иранских организаций, которые в **1980-1981** гг. подверглись жесточайшему избиению со стороны исламистов и при этом страшно **возмущались** и совершенно справедливо обвиняли режим в жестокости, бесчеловечности и кровожадности, забыв, правда, что за несколько лет до этого сами использовали насилие и террор по отношению к тем, кого было принято считать контрреволюционерами, да и просто к совершенно случайным людям. Сходная судьба в свое время постигла и **"ленинскую гвардию"**, лютовавшую по отношению к буржуазии, обывателям, крестьянам, а в 30-е годы недоумевавшей и не понимавшей, почему и за что теперь ее уничтожают другие. А ведь и в том и в другом случаях ответ очень прост и давно известен: насильственные революции, возбуждающие жажду крови, неизбежно превращаются в Сатурна, пожирающего своих **детей, и** так раскручивают маховик репрессий, что его уже очень трудно остановить.

Вдалбливая в сознание своих народов ложные революционные ценности и ориентиры, и коммунисты и исламисты привели их на определенном этапе истории к полному тупику и краху. Не случайно, что и Иран и СССР, может быть, единственные среди стран, обладающих крупными людскими и природными ресурсами, топчутся на месте и даже сползают в болото стагнации и упадка (мы, правда, делаем это уже более 70-ти лет, а Иран только более **10**), в то время как весь остальной мир, прежде всего в совсем недавнем прошлом отсталые азиатские государства, несетя на огромной скорости вперед, оставляя далеко за спиной тех, с кем раньше даже не мог помыслить сравниться. А родины двух "великих революций" на удивление дружно продают "мировому империализму" свои нефтяные и прочие природные богатства и также дружно закупают у него **продовольствие**, которым почему-то не могут себя обеспечить.

Определенная доля вины за разгул революционного **насилия** ложится и на интеллигенцию обеих стран, которая в предреволюционный период создавала некий ореол героизма и романтизма вокруг отдельных лиц и организаций, избравших индивидуальный

террор как метод борьбы с монархией за достижение прав и свобод личности. Российский опыт очень хорошо известен, и поэтому я вкратце остановлюсь на иранском. Здесь показательным является т.н. Сийахкальский инцидент, когда в **1971** г. одна из левых организаций напала на полицейский пост в местечке Сийах Кале на севере страны. Этот террористический акт, приведший к человеческим жертвам, произвел огромное впечатление на интеллигенцию, которая была приятно удивлена тем, что, оказывается, с режимом можно бороться такими средствами. Вслед за этим последовал ряд терактов и политических убийств крупных деятелей режима и американских советников, которые также вызвали сочувствие общественного мнения, но не к жертвам, а к преступникам. Несомненно, что подобное отношение интеллигенции к насилию и насильникам, в большинстве представленных студентами, т.е. частью ее самой, в какой-то мере способствовало формированию условий, которые благоприятствовали снижению ценности жизни личности и **развязыванию** кровопролития. В итоге именно интеллигенция стала главной жертвой того, первые ростки чего вызывали у нее искреннее сочувствие и понимание, если не поддержку.

Исследуя влияние реформ и революций на социальную трансформацию страны, нельзя не задаться вопросом о том, чей вклад из этих двух методов преобразования общества в процессе **естественно-исторического** развития Ирана был более значительным. Здесь, разумеется, не претендуя на **точность**, с которой лекарства взвешиваются на весах добросовестного аптекаря, я хотел бы высказаться в пользу первых. Разумеется, реформа реформе рознь, но если рассматривать успешно осуществлявшиеся две серии комплексных преобразований, имевших место в XX веке, и сравнить их результаты с двумя последними революциями, то нельзя не признать, что эффективность последних оказывается все-таки ниже. Кроме того, нельзя забывать, что за средней результативностью революций стоят очень разные итоги каждой из **них**. Революция **1905-1911** гг., несмотря на свое формальное поражение, принесла нации непреходящие ценности в виде конституции и парламента, сочетающиеся с традиционной для Ирана идеей **монархии**, являющейся важным консолидирующим элементом всего общества. Революция же **1978-1979** гг. не дала, да с учетом реакционной сущности тех сил, которые она привела к власти, и не могла дать ничего **конструктивного**. Она обернулась

контрреволюцией и утопической попыткой **вернуть** иранцев назад в эпоху зарождения ислама. В итоге был нанесен сильный удар по поступательному, исторически прогрессивному движению страны.

Другим критерием, влияющим на оценку результативности реформ и революций, является цена, которую общество вынуждено заплатить за достигнутые **позитивные** перемены, разумеется, если таковые имеют место. И здесь иранские революции, особенно последняя, не выдерживают никакого сравнения с реформами, ибо всякое изменение, приносимое ими, оказывалось оплаченным огромным количеством человеческих жизней, материальными разрушениями и неизбежным снижением уровня нравственности общества. И это всякий раз отбрасывало его назад.

В завершении анализа нельзя не остановиться, хотя бы вкратце, на **перспективах** развития современного Ирана, хотя, конечно, я прекрасно осознаю, сколь уязвимым и неблагодарным делом является всякий прогноз.

Вероятнее **всего**, страна окажется обреченной на очень болезненное, сложное, не лишённое резких зигзагов и даже попятных движений, растянутое по времени эволюционное движение в сторону дальнейших капиталистических преобразований с учетом национальных особенностей, хотя бы и в сопровождении старых идеологических лозунгов в стиле исламской революционной риторики. Такой путь увеличит имеющееся отставание Ирана не только от **развитых** стран с рыночной экономикой, но и от наиболее динамично развивающихся государств Юго-Восточной Азии, **Турции** и ряда арабских стран. Однако он все-таки даст ему шанс вырваться из оков **социально-экономической** отсталости и присоединиться к сообществу цивилизованных государств. Здесь многое будет определяться соотношением двух факторов: скоростью исчерпания главного природного богатства - запасов нефти и газа, являющихся основным источником финансирования возможных крупномасштабных программ экономического развития, и темпами прироста населения, которые в 80-е гг. превышали 4%. Правда, в случае соответствующих политических изменений в направлении формирования гражданского общества западные **демократии** могут пойти на своего рода иранский "План **Маршалла**".

Другим, менее вероятным, вариантом **представляется** консервация ситуации примерно в нынешнем положении как в социально-экономической, так и в политико-идеологической сферах, что

приведет страну к длительному топтанию на одном месте. Такое положение может иметь два исхода: революционный взрыв, который сметет препоны на пути поступательного развития, или нравственно-психологический надлом нации с последующим лишением сколько-нибудь благоприятной близкой исторической перспективы.

Таковы лишь некоторые из возможных путей развития Ирана, но, разумеется, жизнь всегда оказывается богаче любых наперед заданных схем и **моделей**.